

САЛЬВО МАСТЕЛЛОНЕ

ИСТОРИЯ ДЕМОКРАТИИ В ЕВРОПЕ

—
XVIII–XX ВЕК

УДК 321.7(4)"17/19"

ББК 66.3(4)12

М 327

Мастеллоне С.

М327 История демократии в Европе. XVIII–XX век / С. Мастеллоне. – СПб.: Алетейя, 2021. – 272 с.

ISBN 978-5-91419-374-1

Предлагаемая российскому читателю монография – это фундаментальный труд, обобщающий и систематизирующий дискуссии по проблемам демократического устройства общества, которые велись в течение последних столетий: от Французской революции конца XVIII века (Шарль Монтескье) до наших дней (Норберто Боббио).

Картина эволюции демократии, нарисованной на общем фоне развития европейской цивилизации, выглядит яркой и многокрасочной. В этой картине демократия представлена как направление общественной мысли, которое, с одной стороны, постоянно трансформируясь, приспосабливается к новым общественным запросам, с другой, само формирует цели социально-политического действия. Автор очень деликатно, но убедительно подводит читателей к выводу о том, что демократии, как прогрессивной форме политического устройства, имманентно присуще стремление к установлению в обществе социальной гармонии.

УДК 321.7(4)"17/19"

ББК 66.3(4)12

ISBN 978-5-91419-374-1

© С. Мастеллоне, 2021

© Н. Боббио, вступ. ст., 2010

© Е. Лукьянова-Филиппе, перевод, 2010

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2021

ПРЕДИСЛОВИЕ

В современной политической науке используется немало категорий и терминов, не имеющих однозначного толкования среди специалистов. Казалось бы, «демократия» — один из наиболее простых: «власть народа». Однако при попытке осмысления этого понятия мы сталкиваемся с множеством позиций, разнообразием теорий и взглядов, острые споры между носителями которых уходят в далекое прошлое и не утихают до сих пор. Одна из наиболее авторитетных фигур в дебатах современников на эту тему — профессор Флорентийского университета Сальво Мастеллоне.

Автор более двух десятков книг, в том числе вышедшей уже четырьмя изданиями монографии «История демократии в Европе», С. Мастеллоне широко известен в научном сообществе стран Европы и Америки. Он много лет возглавлял международную комиссию по истории представительных и парламентских институтов, в качестве главного редактора руководил работой издающегося в Италии журнала «Политическая мысль». Книги С. Мастеллоне переведены на иностранные языки и рекомендованы студентам, изучающим гуманитарные науки во многих западных университетах, как обязательные для ознакомления.

Это неудивительно, поскольку научный потенциал С. Мастеллоне глубок, а круг интересов обширен. Мадзини, Савонарола, Мария Медичи, Гизо, аббат Сиейес, Франческо Д'Андреа, Маркс, Ленин, Адам Смит, Миллс, Карло Россели — вот неполный перечень крупных исторических деятелей и выдающихся мыслителей, чьи имена вынесены в названия монографий профессора С. Мастеллоне. И, пожалуй, вряд ли найдется хотя бы одно имя значимого западного историка, философа или обществоведа XVIII–XX веков, чье творческое наследие не было бы так или иначе оценено на страницах книг и статей С. Мастеллоне. Им внесен действительно весомый вклад в изучение истории идеологии и политической мысли в Европе.

Однако «коньком» в исследованиях С. Мастеллоне является история демократии и ее институтов. Предлагаемая российскому читателю монография — это фундаментальный труд, обобщающий и систематизирующий дискуссии по проблемам демократического устройства общества, которые велись в течение последних столетий: от Французской революции конца XVIII века (Шарль Монтескье) до наших дней (Норберто Боббио).

В этот период политическое устройство европейских государств претерпевало существенные изменения: рушились, восстанавливались и вновь терпели крах монархии, появлялись, исчезали и вновь утверждались республики, но общий вектор развития в направлении демократизации общественного устройства был очевиден. Движение к демократии, как показывает автор, носило широкомасштабный, глобальный характер. Демократическая волна прокатилась по странам Старого и Нового Света, существенно изменив их облик и оставив за собой разнообразные формы наиболее востребованной в настоящее время модели политического развития.

Поскольку, однако, государства той поры были еще далеки от реального «равноправства», демократия понималась в обществе как некий идеал, как совокупность определенных общественных ценностей, к которым следует стремиться. Ее нельзя было свести к какому-то единственно возможному, жестко унифицированному набору институтов и правил. Подобное толкование понятия оставляло простор для различных интерпретаций, а его изначальный смысл как народовластия расходился с многообразием форм воплощения на практике. В каждом конкретном случае форма демократического устройства общества зависела от множества факторов: социально-экономических реалий, традиций политической культуры, уровня просвещенности и особенностей менталитета граждан и т. д. Книга профессора С. Мастеллоне раскрывает перед нами не только многообразие этих форм, но и их восприятие обществом в институциональном, культурологическом и гносеологическом ракурсах.

Картина эволюции демократии, нарисованной на общем фоне развития европейской цивилизации, выглядит яркой и многокрасочной. В этой картине демократия представлена как направление общественной мысли, которое, с одной стороны, постоянно трансформируясь, приспосабливается к новым общественным запросам, с другой, само формирует цели социально-политического действия. Автор очень деликатно, но убедительно подводит читателей к выводу о том, что демократии, как прогрессивной форме политического устройства, имманентно присуще стремление к установлению в обществе социальной гармонии. Этот потенциал заложен внутри и движет демократию к оптимизации различных видов социальных и межличностных связей.

По мере повествования демократическая идея равенства все больше обогащается идеей свободы. И чем ближе автор приближается к современности, тем отчетливее проявляется органичная связь этих понятий, выливающаяся, в конечном счете, в представление о либеральной демократии.

В XX веке демократические постулаты активно впитывают идеи социальной справедливости, ибо отсутствие таковых делает бессодержательным декларирование равенства прав и свобод граждан. Содержание понятия вновь трансформируется, укрепляя и делая необратимой, хотя по-прежне-

му противоречивой, тенденцию распространения демократических политических систем во всем мире.

Таким образом, С. Мастеллоне подводит читателя к выводу о том, что потенциал демократии еще далеко не исчерпан, и следует предпринимать разумные действия для ее развития и совершенствования. Вывод, с которым трудно не согласиться.

Л. С. Белоусов

Доктор исторических наук, профессор
Заведующий кафедрой новой и новейшей истории
стран Европы и Америки исторического факультета
МГУ им. М. В. Ломоносова

ВВЕДЕНИЕ

Два века европейской демократии*¹

Дебаты по поводу демократии являются как никогда насущной темой не только в Италии, но и в странах, где она существует со времен античности, а также в тех государствах, в которых ее не существует вообще либо там, где демократия была задушена. Книга Сальво Мастеллоне, *История демократии в Европе, XVIII–XX век*, появилась как нельзя в нужный момент. Чуть меньше трехсот страниц большого формата, и приложение с хронологическим списком изученных работ, охватывающих период двух столетий, начиная от Монтескьё (1748) и заканчивая работой Кельсена *Общая теория права и государства* (1945). Это два столетия непрерывных дебатов за и против демократию: история в целом как демократии так и антидемократии, история тех, кого она приводила в восторг, и тех, кто ее ненавидел (в предшествующие столетия, начиная с божественного Платона, таковых было всегда большинство). Дебаты, которые обозначили наше время, и которые, если смотреть в будущее не только Европы, к которой относится книга, а всего мира, и рассматривать проблему демократизации всей международной системы как необходимое условие для установления стабильного мира, только начались.

Политологи, которым принадлежит большая часть работ по данной теме, отдали предпочтение компаративному анализу различных демократических систем, существующих сегодня в мире, а различными типами не демократических систем были подвергнуты историческому анализу. Так, горизонтальное сравнение, или сравнение в пространстве, оказалось преобладающим над сравнением вертикальным, то есть во времени. Единственной исторической темой, освещенной политологами, является сравнение между античной и современной демократией, в результате которого видно, что одна не имеет ничего общего с другой. В качестве примера можно привести Джованни Сартори и его первую важную работу, осветившую Италию послевоенного периода, *Демократия и определения* (1957).

* Этот доклад Норберто Боббио был опубликован на факультете исторических наук университета Перуджи (1987) и в «Политической мысли» (1987, 2. С. 241–251).

В этот же ряд можно поставить Лелио Бассо с работой *Принц без скипетра*, вышедшую год спустя, и которая является историческим исследованием, проделанным до Французской революции, уникальным образом продемонстрировавшим недостаточность либеральной демократии.

Эти две работы заслуживают стоять рядом не только благодаря их одновременному выходу в свет, но и так как они обе представляют две версии современной демократии, демократии либеральной и социальной или социалистической.

Книга Мастеллоне рассматривает, как было уже сказано, исключительно современную демократию, начиная с Монтескье, чья концепция демократии, несмотря на важность, которую она имела во вдохновении как американских так и французских революционеров, еще строится по модели античности, где основные исторические примеры это Афины и Рим. Восхищение Римской республикой Монтескье уже выразил в своей предыдущей работе *Considérations sur les causes de la grandeur des Romains et de leur décadence*, в которой он подчеркивает связь между республикой и принципом добродетели, которую он потом развил в *Esprit*. Действительно, римская республика была истолкована преимущественным образом под эгидой Полибия, как смешанное правительство. Античная демократия, под которой подразумевается исключительно прямая демократия, подходила для маленьких государств, для городов-государств, как например, Афины. К тому же, ссылка на два исторических примера, настолько отличных друг от друга как Афины и Рим, доазывает еще один раз, и не только у Монтескье, определенное наложение или путаницу между двумя понятиями демократии и республики, где демократия была в действительности разновидностью, но часто отождествлялась с основным типом правления; добродетель это вдохновляющий принцип не только аристократической, но и демократической республики. Но обиходный политический язык на протяжении целых столетий, в отношении различия между разновидностью и основным типом правления, был двусмысленным: Руссо называет республику политическим корпусом, образованным вследствие общественного договора, и политический корпус выражается в общей воле, которая сегодня считается основным институтом демократического государства.

Тот факт, что то же имел в виду и Монтескье, когда описывал основные черты демократических республик, преимущественно маленьких государств и городов, в которых возможна прямая демократия, доказывается тем (это подчеркивает и Мастеллоне), что автор *Esprit* обращает внимание на опасность, которой подвергаются демократии именно потому что они возможны в маленьких государствах, быть подавленными более крупными граничащими с ними государствами, и искусно составляет похвальную речь институту конфедерации городов и провинций, известному со времен античности, необходимого для сочетания пользы от народного правления

внутри государства с благодеянием политики безопасности, свойственной крупным государствам. Можно пронаблюдать, что три приведенных примера, Объединенные Провинции Голландии, Союз Швейцарских Кантонов и Германская Империя, были между собой настолько различны, что не могли быть объединены в один тип без оговорок. Наиболее обширное изложение конфедераций или объединений было сделано в работе *De iure naturae et gentium* Пуфендорфом, который их назвал «*res publicae irregulares*» и выделил их различные виды. Монтескье, как уже было выявлено Дерате, демонстрирует, что он с этим не знаком¹. Именно в отношении юридического характера империи, Пуфендорф под псевдонимом Северино Ди Мондзамбано, написал работу, в которой считает, что империя является конфедерацией и критикует *communis opinio*, согласно которому империя должна быть истолкована как тип смешанного правления, вызывая при этом часто злобную полемику².

Неправда, что Монтескье полностью игнорирует представительную демократию, как считает Дерате³, и прав Мастеллоне, что подчеркивает изречение в главе II Части II: «Народ, который получает удовольствие от высшей власти, должен делать сам всё то, что он делает хорошо, а то, что он делает плохо, должен вверить своим министрам». Эта фраза полностью повторяется в отношении Англии: «Нужно, чтобы народ делал посредством своих представителей все то, что он не может делать сам» (XI, 6). Но также верно, что то, что раскрывают эти изречения, это преимущество народной власти над представительной, которая вступает в силу когда не применяется первая, в то время как в современных представительных демократиях происходит обратное, прямая народная власть применяется посредством референдума только в случае исключения, и не обязательным образом. Что касается другого изречения относительно отношения между прямой демократией и представительной, которое высвечивает Мастеллоне: «Народ выбирает восхитительным образом тех, которым он должен вверить часть своих полномочий» (II, 2), здесь речь идет о переданном принципе, который Монтескье увидел у Макьявелли, одного из своих любимых авторов. Этот переданный и в последствии несколько раз продолженный принцип наблюдаем в *Общественном договоре* Руссо, который почти теми же словами пишет: «Народ обманывается меньше по пово-

¹ Роберт Дерате в комментарии к *Esprit de lois*, Гарнье, Париж 1973, Т. 1. С. 466

² Об этом широко информирует Ф. Палладини, *Синтетические обсуждения о Самуэле Пуфендорфе*, Мулино, Болонья, 1978. С. 111–62.

³ «Montesquieu ne soupçonne pas ce que seront les démocraties de nos jours. Sa conception est tirée de l'études des démocraties antiques. C'est pourquoi il n'y pas dans ce chapitre la moindre allusion au système moderne, selon lequel le peuple exerce la souveraineté par intermédiaire de ces représentants» (Derahé, Комментарий к *Esprit de lois*, Том I. С. 427).

ду выбора министров принца, и достойный человек это такая же редкость в министерстве, как дурак во главе республиканского правительства» (III, 4). Первая важная работа, которая дает веские основания представительной демократии, это *Федералист Мэдисона*, где он считает нездоровой прямую демократию, которая была хорошо известна только в античности, и противопоставляет ей представительную демократию, которую называет «республикой» (возобновляя путаницу двух терминов, о которой шла речь выше), он объясняет, что одним из преимуществ таковой является тот факт, что правление поручается небольшой группе граждан, «чья проверенная мудрость может лучше распознать настоящий интерес собственной страны, и чей патриотизм и жажда справедливости сделают менее вероятным возможность пожертвования благом страны по особым соображениям» (письмо X). Остаётся все же принцип, что согласно традиции, трех классических форм правления, доходящей до Монтескье, демократия это прямое народное правление, по крайней мере в первой инстанции, которой принадлежит *ius gubernandi*, и не только в первой инстанции *ius eligendi*, как бывает в современных представительных государствах. Согласно Спинозе, который раньше Руссо является наибольшим сторонником демократического правительства, разница между демократией и аристократией состоит в том, что в аристократии *ius gubernandi* принадлежит только тому, кто был избран или кооптирован из корпуса *aristoi*, в то время как при демократии *ius gubernandi* неотделимо принадлежит каждому гражданину.

Втечение двух столетий от Монтескье до Кельсена, концепция демократии глубоко трансформировалась благодаря трансформации, происшедшей в институтах государства, и еще раньше в подчиняющемся им гражданском обществе. Можно как нельзя наглядно описать характер этой трансформации, которая является сравнением между начальной точкой (Монтескье) и конечным пунктом (Кельсен) увлекательного путешествия, в которое предлагает отправиться данная книга, сквозь столетние дебаты по поводу демократии в самых прогрессивных странах старого и нового мира. Естественно, сравнение концепции демократии автора *Духа закона* и концепции демократии основателя чистой теории права, это чисто умственное упражнение, или предлог, если хотите, который имеет дидактическую или аналитическую цель, и не намеревается заменить историческое исследование.

Этот анализ может быть полезным для уточнения некоторых аспектов проблемы политической теории, с которыми те же историки постоянно сталкиваются на своем пути.

Первая разница касается теории и типологии форм правления, то есть различное местоположение, которое демократия занимает в классификации, принятой Монтескье и в классификации, разработанной Кельсеном. Оставляя позади третью форму правления, а именно, деспотизм, о котором долго идет речь в *Esprit de Lois*, как историк восемнадцатого века, так и право-

вед нашего времени сводят классическое тройное разделение — монархия, аристократия и демократия, к разделению двойному: монархия-республика и автократия-демократия. Мы наблюдаем, что тройное разделение, сведенное к двойному, происходит у двух авторов за счет совершенно различных операций, за счет сочетания в первом случае, демократии с аристократией под общим понятием республики, и, таким образом, изолируя монархию, и во втором случае, за счет сочетания аристократии с монархией под общим понятием автократии, и следовательно, изолируя демократию.

Эта разница в переработке традиционной типологии зависит от факта, что принятые критерии классификации различны. Критерий Монтескье основан на противопоставлении правления физического лица правлению собрания или коллективного корпуса; критерий Кельсена же основан на разнице между правлением снизу (по восходящей) и правлением сверху (по нисходящей). Первый критерий касается субъектов власти: когда власть применяется не физическим лицом (чья воля, даже если она выражена в определенных установленных формах, это закон), а собранием, требуются общие нормы, необходимые для определения процедур принятия обязательных коллективных решений; поскольку воля собрания это всегда воля индивидуальных граждан, его составляющих, и необходимо предварительное решение из каких субъектов оно должно состоять, и с помощью какой процедуры должно быть принято решение, для того, чтобы считаться обязательным для всего общества. Факт тот, что субъекты, образующие демократическое собрание, отличны от субъектов аристократического собрания, не меняет характеристику, что эти две формы правления имеют общее коллективное правление в отличие от монархии, которая является формой правлением одного физического лица. Этой классификацией Монтескье сделал не что иное как продолжение разграничения, введенного Макьявелли в первых строчках *Принца*, и которое действительно воспроизводило ситуацию времени, когда крупные территориальные государства с монархическим строем, появившиеся в то время, угрожали существованию старых республик, больших и маленьких¹. Второй критерий рассматривает движение власти как силы, способной сломить волю: если установившийся социальный строй рассматривать в форме пирамиды, у которой есть вершина и основание, то можно представить, что поток власти идет от вершины до основания и наоборот; другими словами, власть у основания движется от власти вершины, а власть вершины это результат власти, идущей от основания. С этой точки зрения, аристократическая власть, которая согласно предыдущей точки зрения является ассимилируемой с демократической, ассимилируется также с монархической, с которой она имеет общую гетерономную нормативную систему, противопоставляемую

¹ По этой теме см. страницы, этому посвященные у Ф. Вентури, *Утопия и реформа в Просветительскую эпоху*, Эйнауди, Турин, 1970.

автономной; эта система, в которой один или несколько человек создают законы для всех остальных, противопоставлена системе, в которой каждый создает законы для самого себя, в соответствии с известным принципом Руссо, согласно которому свобода состоит в подчинении законов, которые каждый создал сам.

Типологии форм правления никогда не имеют только аналитической ценности, поскольку считаются важным источником ценных суждений в традиционном споре об оптимальной республике.

Также с этой точки зрения две типологии различаются из-за различного аксиологического применения: подумайте о конфликте, противопоставляющем превосходство монархии по отношению к республике или наоборот, и о другом разногласии, которое противопоставляет демократию авторитарным формам. Полемичным аргументам в первом случае против монархии, как власти одного лица, сводящимся к топосу «против одного», соответствуют во втором случае не менее избитые полемические аргументы против демократии, начиная с презрительного суждения, выраженного одним из трёх персидских принцев, дискутирующих между собой о наилучшей форме правления, о которой еще говорил Геродот: «Тупая и наглая ничемная масса, как никто другой... похожа на полноводную реку, которая сносит все, что встречает на своем пути». Ох уж эта (непризнанная) монотонность истории! Правда, как говорил древний мудрец, что никто не может войти два раза в одну реку, но также верно, что каждый раз, когда ты погружаешься в воду, происходит одно и то же, либо ты купаешься, либо, если река бурная, тебя сносит.

Вторая разница касается той же формы демократического правления, то есть как оно подразумевается одним либо другим. У Монтескье взгляд направлен в будущее, а одной ногой он еще в прошлом, прямая демократия для него это *prius*, а не прямая или представительная это *posterius*. Если правда, что народ делает посредством своих представителей то, что он не может сделать сам, означает, что он прежде всего имеет власть, позволяющую действовать самому и уполномочивать других принимать решения вместо себя. В представительной демократии, в которой можно возвысить Кельсена до положения авторитетного защитника, происходит как раз обратное: сначала идут представители, которые, как только их избирают, уже составляют решающий корпус, независимый от избирателей, запрета императивного мандата, на основе главного принципа представительного государства со времен его происхождения; затем, существует возможность только в исключительных и ограниченных случаях, явно предусмотренных, принимать прямое решение со стороны народа в форме референдума¹.

¹ В работе, посвященной истории демократии, которая в течение последних двух веков является представительной, я ожидал, что больше внимания будет обращено к основной теме представительства, тем более что для Кельсена концепция

С формальной точки зрения, разница между прямой и непрямой демократией состоит в том, что первая — это ассамблея, собрание людей, которые находятся одновременно в одном месте для обсуждения и принятия решения; так, это рыночная площадь у древних греков, комиции у римлян, арены у средневековых общин; эмблема второй — это избирательная кабина, где каждый гражданин принимает решение один, изолированный от всех остальных, не как член корпуса, а *uti singulus*, то есть как атом похожий на другие атомы, равные ему. Происходит возврат к разнице между коллективным корпусом и физическим лицом. Коллективный корпус расчленяется и парцеллируется для того, чтобы образоваться на более высоком уровне в коллективном корпусе представителей.

Понятие демократии как прямой, и следовательно, как правление собрания — собрание в смысле классического места для принятия коллективного решения, куда можно съехаться или собраться, — в котором коллективные решения принимаются так называемой общей волей, хотя обычно под общей волей подразумевается воля большинства, тесно связано с понятием народа как главного субъекта политической власти: народ — это коллективный орган, состоящий из отдельных людей, но поскольку это орган коллективный, он отличается количеством своих индивидуумов, и это не просто *multitudo*, что объясняет, между прочим, причину продолжения развития идеи народного суверенитета, противопоставляемого княжескому суверенитету, то есть суверенитет коллективного корпуса противопоставляется суверенитету одного физического лица. В представительной демократии народа как *universitas* больше нет: существует, с одной стороны, корпус представителей, даже лучше сказать псевдо-представителей, поскольку по мере своего избрания они должны уже представлять не личные, а общие интересы, которые прекрасно могут не совпадать с интересами избирателей; с другой стороны, существуют отдельные граждане, имеющие важность в прямой пропорциональности к их количеству, они независимы как отдельные недвижимые органы, которые можно подсчитать, и которые считаются, правда, с определенной долей фиктивности, равны-

представительства, применяемая к парламентской системе, это простая фиктивность, идеология, которая служит появлению существования связи определенного типа, то есть типа приватистского мандата между избирателями и избираемыми., который в действительности не существует. Это проблема большой актуальности, потому что в современной демократии, которая является демократией партий, чего не существует, так это свободного мандата. Кандидаты, избранные народом, в действительности избираются партиями, и поэтому они не независимы. А именно, они зависят от партий, которые их избрали, и следовательно, по отношению к партии имеют императивный мандат. Другая большая проблема, которая относится к теме и игнорируется в книге, это различие между территориальным представительством и интересами, которое также имеет долгую традицию разногласий в рамках демократической доктрины.

ми, на основании принципа «одна голова, один голос». Да мы и сами знаем что происходит в день выборов: граждане, оснащенные документом, удостоверяющим личность, заходят на избирательный участок, им вручают избирательный лист, затем они удаляются в избирательную кабину, и т. д. Но не видно народа. В представительной демократии, если будем продолжать пользоваться этим термином, это простая фикция. Мне уже приходилось говорить ранее, что современная демократия, в отличие от античной, основана на суверенитете не народа, а граждан, отдельных людей, имеющих право, как говорили однажды, *activae civitatis*, право, которое не дает возможность собираться на площади для принятия решений (право собрания не позволяет многого), а исключительно для выбора того, кто должен решать за них. Этот образ индивидуума, который решает сам то, ради чего он был призван решать, полностью подтвержден актуальным институтом прямой демократии. Также в референдуме народ не фигурирует как субъект, который принимает решение. Фигурируют только отдельные граждане, которые совершают те же жесты (то есть помечают избирательный лист и бросают его в урну), что и при выборе своих представителей, хотя результат при этом различен.

Этим я не хочу сказать, что в современной демократии существуют только отдельные люди. Есть также и группы, ассоциации, промежуточные и парциальные общества, которым не была знакома античная демократия (особые общества у Аристотеля входят в трактат по этике, в статье о дружбе, а не о политике), и современная демократия посчитала возможным отбросить. Среди личных прав, гарантируемых либеральными конституциями, самым потрясающим было конечно же право ассоциации, будучи именно потрясающим, оно было признано последним. Создание ассоциации соответствует в точности тому процессу образования власти снизу, что является характерным для формы демократического правления, где демократия истолкована как крупная ассоциация, ассоциация ассоциаций. Значение, которое имел ассоционизм в истории демократии, не осталось незамеченным Мастеллоне, который долго дискутирует по этому поводу во второй части книги, посвященной ассоционизму и демократии, а также в различных главах относительно ассоционизма во Франции, Англии, Италии и Германии. Говоря об одном из авторов, близких нашему Каттанео, а именно о Пьере Леру, который считал, что ассоционизм имел демократическое происхождение, Мастеллоне комментирует: «История демократия в Европе после 1848 года должна пройти период ассоциаций в разных странах и интерпретировать их в политическом смысле». Почему в политическом? Потому что множественность и разнообразие ассоциаций, которым позволяет процветать только свободный режим, являются с одной стороны культурной почвой для демократического духа, наиболее подходящей средой для воспитания гражданского сознания, необходимого для выживания

и развития демократии, а с другой стороны, это основа законности демократического правительства. Они представляют, другими словами, цивилизованное общество, стоящее в подчинении у политической демократической системы и продолжает питать его снизу, порождая общество, которое сегодня называют плюралистическим или полиархичным, в котором развивается реальная демократия.

Третье различие между современной демократией в момент ее исходной и финишной точки, скорее всего самое значительное. Для обозначения различных форм правления, Монтескье прибегает, как уже было отмечено, к различным принципам, на которых они основаны: принцип демократии это добродетель, определенная как любовь к родине и равенство. Этот этический элемент полностью исчез из актуального определения демократии. С Кельсеном, да и нетолько с ним (я имею в виду еще одного из крупнейших юристов этого века, Альфа Росса и его книгу *Why Democracy?* 1952) пришло чисто процессуальное определение понятия, согласно которому под демократией понимается совокупность правил, так называемых правил игры, позволяющих принимать обязательные коллективные решения с максимальным консенсусом и, следовательно, без необходимости прибегания к использованию силы с одной либо с другой стороны.

Конечно же, речь о демократии не исключает ценных суждений. Так, в акценте, сделанном на консенсусе и на отказе применения силы, подразумевается предпочтение этического характера. Ценность, к которой призывает современная демократическая доктрина, это ценность свободы за счет равенства. Из всех трансформаций демократической идеи в течение двух анализируемых столетий (я имею в виду идею или демократическую идеологию, и абстрагируюсь от реальных трансформаций, которым подверглись демократические общества, в соответствии с комментируемой темой) этот аксиологический переход является самым значительным. Со времен античности, где понятие демократии тесно связано с понятием равенства, и до Монтескье, Руссо, и якобинцев, основная ценность, характеризующую демократию, это — равенство. С этой точки зрения, работа Мاستеллоне это нескончаемый перечень цитат, и следовательно, ценная благодаря теоретическому отражению, которое не может не основываться на исторических датах. Все демократические писатели прославляют дух равенства; антидемократические его осуждают. Для одних люди рождены равными, а не равными их сделало общество, и поэтому оно должно быть реформировано. Для других же, люди рождены в неравенстве, и любой предлог сделать их равными абсурден и губителен. Достаточно привести пример Токвилля, которому посвящена глава: неотразимый приход демократии влечет за собой наступление равноправного демократического общества, основанного на равенстве социальных условий. Но равенство социальных условий — это основной враг свободы. Достаточно вспомнить известные пророческие

фразы из *Демократии в Америке*: огромная и опекунская власть, которая все меньше делает полезным применение свободы воли и лишает каждого гражданина возможности распоряжаться самим собой.

По мере продолжения повествования книги, мы замечаем, что основная идея демократии сводится все меньше к равенству, и все больше к свободе. С каким же последствием? В начале демократическая доктрина появляется в противоположность либеральной, а демократические партии противопоставляются либеральным. Еще в начале века консерваторы Моска и Кроче считаются либералами, а не демократами, выражая в сотый раз их антидемократический настрой посредством защиты свободы современников от свободы античности. На протяжении всего прошлого века либерализм и демократия определяют антагонистические доктрины; либералы, которые защищают завоевание прав свободы с недоверием относятся к революционной ностальгии демократов. Возьмем, например, памфлет Гизо *О демократии во Франции* (1849), обращенный к борьбе с «*idolatrie démocratique*», где находим следующие горячие фразы: «Демократия не обеспечивает ни мир ни свободу, а только социальную войну и революционный деспотизм, оставляя индивидуальную свободу граждан во власти многочисленного большинства». И наоборот, демократы, которые считают незавершенным или резко прерванным процесс народной эмансипации, начатым французской революцией и прерванным периодом Реставрации, отвергают либерализм как умеренную идеологию. Приведем известный нам пример Франческо Де Санктис, в речи 1874 года он под демократической школой подразумевает школу, которая базируется на идеале нового общества, «основанного на распределительной справедливости и на равенстве прав, которое в прогрессивных странах является фактическим». Следовательно, «Там, где существует неравенство, свобода может быть записана лишь в законах, а не в реальности: не свободен крестьянин, зависящий от хозяина, не свободен тот, кто находится в подчинении у защитника, и не свободен человек, работающий на земле и запряженный в бесконечную работу на поле»¹.

Постепенно приближаясь к современности, наблюдаем что противопоставление между либерализмом и демократией постепенно исчезает, и демократическое правительство все больше интерпретируется как продолжение или естественное развитие либерализма. Уже менее заметно противопоставление между свободой в античную эпоху и свободой современности, поскольку подчеркивается, что свобода в античности накладывается на политическую систему, которая зиждется изначально на свободе современности. В то время как в мире идей либерализм и демократия появляются еще долгое время как противоположные теории, в мире реальных фактов происходит постепенный переход от признания гражданских прав к признанию

¹ Ф. Де Санктис, *Мадзини и демократическая школа. Эйнаути*, Турин, 1951. С. 6.

прав политических, посредством которых либеральное государство постепенно трансформируется, с прогрессивным расширением избирательного права до всеобщего избирательного права мужчин и женщин, в демократическое государство, в котором граждане пользуются не только отрицательной, но и положительной свободой, а именно, свободой участия, даже если не напрямую, в правлении на государственном уровне, реализуя идеал самоуправления, или свободы как автономии (эта свобода, по демократу Кельсену, как было уже сказано, характеризует демократию, в отличие от ее противоположности, автократии). Сегодня взаимозависимость либеральной и демократической свободы такова, что существуют веские исторические основания считать, что: а) демократическое участие необходимо для защиты гражданской свободы; б) охрана прав свободы необходима для правильного и эффективного участия. Либеральные и демократические идеалы переплетаются, ведь если верно, что признание прав свободы было с самого начала необходимой предпосылкой для правильного применения правил демократической игры, настолько же верно, что наоборот, развитие демократии стало основным средством против подрыва принципов либерального государства. Сегодня только те государства, которые зародились в результате либеральной революции, стали также демократическими, и только лишь демократические государства являются в состоянии защитить права человека. Доказательством этого будет тот факт, что автократические государства антилиберальны и антидемократические. Начиная с прихода фашистского режима после первой мировой войны, и заканчивая военными диктатурами современности, история учит, что свобода и демократия идут вногу, но и рушатся тоже вместе.

Идеал равенства, существенного равенства, выходящего за рамки чисто юридического и формального, был постепенно принят социалистическими движениями, которые выступили против как либерализма, так и демократии, либо положили начало новой идее демократии, демократии социальной, предложенной и практически возглавляющей социал-демократическими партиями или партиями рабочих, начиная со второй половины прошлого века по сегодняшний день. Так получилось, что, начиная со второй половины прошлого века, на контраст между либерализмом и демократией, наложился контраст между защитниками либеральной демократии с одной стороны, и социалистами, демократами и недемократами, с другой. Они разделились не так в оппозиции к либерализму, общей оппозиции для обоих, как в различных суждениях о действенности и эффективности демократического и постепенного метода как средства завоевания, а затем применения власти.

Внутри исторического контраста между демократией античности и современности, некоторые социалистические движения, в основном радикальные, пытались вернуть прямую демократию, либо в форме представитель-

ства с отзывом мандата, то о чем мечтала, а потом частично проэкспериментировала Парижская Коммуна, либо в форме демократии советов, противопоставленной буржуазной парламентской демократии. Этот возврат, который никогда не смог привести к институтам длительного действия, был опробован именно против представительной демократии, рассматриваемой как историческая и социальная связь с доминированием буржуазного класса. Здесь можно сослаться на главу, названную лишь внешне экстравагантно, *Полемика парламентской демократии от Ленина до Парето*: в которой показано, что рядом с традиционной критикой демократии со стороны консерваторов, продолжающих считать либерализм и демократию резко контрастирующими, распространилась не менее жесткая критика со стороны левых, со стороны идеологов социальной революции, видящих в парламентской системе с общим избирательным правом незавершенную форму демократии; незавершенную, поскольку она является классовой, и ее исполнение произойдет только тогда, когда падение парламентского режима проложит дорогу более представительной демократии, чтобы дать ей возможность стать более народной, как демократия рабочих советов. Так, в оппозиции правых, как и в оппозиции левых, мишень все та же — либеральная демократия; это подтверждает, что либерализм и демократия стали одним целым также в сознании противников, несмотря на свое движение с различных сторон.

Должен признать, что выбор парадигматического автора содержит всегда элемент произвольности. Подводя итог общему взгляду на целую историческую эпоху, хотелось бы считать, что стыковка между либеральными и демократическими идеалами происходит главным образом у Джона Старта Милля, который занимает по теоретической силе и институциональной изобретательности центральное место в истории современной демократии с двумя работами *О Свободе*, 1859 г. и *Представительное Правительство*, 1861 г., о которых не случайно идет речь в центральной главе книги, озаглавленной *План либерально-демократического правления в национальном государстве*.

И в окончании, хочу остановиться на обращении внимания Мастеллоне к *Истории Древней Греции*, многотомнику Джорджа Грота, ученика Джеймса Милля и принадлежащего течению английских радикалов. В этой истории воспеваются Афины времен Перикла как школа свободы, где воспевается как характеристика античной демократии не так, как это было раньше, свобода древних, а свобода современных граждан, то есть уважение личной гражданской свободы, а не только свободы государственной: свобода граждан, о которой говорит Перикл в известной эпитафии, переданной нам Фукидидом, в честь павших защитников города.

Либерал-демократ Луиджи Эйнаути, но прежде всего либерал, в конце одной из его самых известных книг, *Мифы и парадоксы налоговой*

справедливости (1938), проиллюстрировал и прославил «перикловы финансы», считая Афины времен Перикла одной из самых счастливых эпох или моментов в истории мира. Отталкиваясь от этих страниц Эйнауди, Алессандро Пассерин Дэнтрес, завершил свою удачную книгу о политической теории, переведенную на английский, французский и испанский языки, воскресив в памяти «периклов город» и охарактеризовав его как «образ оптимального государства». Какой же образ? Вкратце излагая смысл речи, его можно охарактеризовать следующими словами: «Уважение закона, правление на основе согласия, любовь к родине, гордость свободы»; таким образом, во имя свободы объединяется демократия современности с демократией античности, выходя за рамки различий, встретившихся во время чтения и комментирования работы, над которой я задержался до сих пор, прежде всего с пользой для себя, и надеюсь также с большой пользой для будущих читателей.

Норберто Боббио

*Посвящается Норберто Боббио,
другу демократии*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ДЕМОКРАТИЯ КАК НАРОДНОЕ ПРАВЛЕНИЕ С ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫМИ ИНСТИТУТАМИ (1748–1848)

Глава первая

Монтескье: демократия и республиканское правление

В сентябре 1748 года в Женеве вышла книга Шарля де Секонда барона Монтескье «*Esprit de lois*»; в первой главе книги автор заявляет: «Существуют три формы правления: республиканское, монархическое и деспотическое; республиканское правление это правление, при котором весь народ, или по крайней мере одна его часть, держит в руках верховную власть; при монархическом правлении правит лишь один человек, но согласно установленным законам; в деспотическом правительстве же, правит один человек, но без законов и правил, тащит все и вся позади собственной воли и собственных капризов». Классическому аристотельскому тройному разделению форм правления, основанному на количественном принципе (все, немногие, один), Монтескье противопоставляет другое тройное разделение, основанное на качественном принципе: не так важно знать, находится ли власть в руках одного (монархия), немногих (аристократия) или всех (демократия), а как эта власть используется правительством; можно идти на встречу деспотизму только одного человека либо деспотизму всех вместе (Ш. Де Монтескье, *Дух законов*. Под редакцией Серджио Котта, УТЕТ, Турин, 1956. Т. 1. С. 66).

Деспотическим следует считать правительство, в котором власть не разделяется. В каждом Государстве, говорит Монтескье, существует три вида власти: исполнительная власть, судебная и законодательная власть; поскольку политическая свобода граждан состоит в спокойствии духа, которое происходит от убеждения, что у каждого есть собственная уверенность, «не существует свободы, если судебная власть не отделена от власти законодательной и исполнительной; если она объединена с законодательной

властью, власть над жизнью и свободой граждан будет произвольной, поскольку судья в то же время будет и законодателем». Если законодательная власть объединена с исполнительной, можно опасаться, что тот же самый орган, будь то монархический либо республиканский, может издать «тиранические законы, чтобы применить их тираническим способом» (Книга 11. Гл. 8. С. 293).

Политическое намерение Монтескье состоит в проведении различия между конституционным монархическим и деспотическим правлением. Недеспотическим является конституционное английское правление, основанное на принципах политической свободы и разделении власти; это суждение находится во втором из *Двух трактатов о правлении* Джона Локка (*Two Treatises of Government*), прочитанного Монтескье во французском переводе Даниэля Мазеля (Женева, 1724).

Среди форм правления Монтескье предпочитает конституционную монархию, которая соответствует его определению современной монархии, однако он тщательно анализирует также природу республиканского правления. В республике существует демократия, если целый народ пользуется верховной властью; если верховная власть находится в руках одной лишь части народа, тогда это аристократия (Книга 2. Гл. 2. С. 66). Примером аристократической республики является Венеция; в венецианской республике власть находится в руках знати, которая создает законы и следит за их исполнением; так как знать представлена в большом количестве, было необходимо создание сената, то есть Основного Совета для урегулирования дел, которые не может вести корпус знати; к тому же, для сохранения аристократической власти, Венеция прибегает к инквизиторам. Согласно Монтескье, наилучшая аристократия это та, в которой аристократические семьи близки к народу: «Чем больше аристократия приблизится к демократии, тем больше она будет совершенной: и тем менее совершенной она будет, чем больше приблизится к монархии» (Книга 2. Гл. 3. С. 77).

В республиканско-демократическом правительстве народ в некотором отношении является сувереном, но суверенен он только благодаря своим избирательным правам, которые не что иное, как выражение собственной воли; «законы, устанавливающие право голоса фундаментальны в таком правительстве». Народ, пользующийся верховной властью, должен делать сам то, что он делает хорошо; и то, что он не в состоянии делать хорошо, народ должен верить своим уполномоченным (Там же. С. 67).

Для Монтескье моделями республиканского правления являются Афины и Рим: в этих двух городах «народ выбирает восхитительным образом тех, кому он должен верить часть своих полномочий»; и если кто-то сомневается в естественных способностях народа, то «должен посмотреть на постоянную смену поразительного выбора, сделанного афинянами и римлянами, который нельзя несомненно вменить в случайный» (Там же.

С. 68). Народ не только умеет выбирать, «но обладает также достаточными способностями отдавать отчет о том, как управляют другие», даже если не правит напрямую (Там же. С. 69); в любом случае, «закон, устанавливающий условия избирательного права является фундаментальным при демократии», как фундаментален принцип законодательной власти народа. Несомненно, «когда народ отдает свои голоса, они должны быть публичными; и в демократическом правлении этот закон должен быть фундаментальным» (Там же. С. 71).

Во второй главе второй книги, посвященной республиканскому правлению и законам относительно демократии, Монтескье устанавливает принцип: правление любой демократии не может не быть республиканским: природа республиканско-демократического правления состоит в том факте, что народ «*en corps*» пользуется суверенной властью. В третьей главе третьей книги Монтескье уточняет, что демократическое правление основано на законе «добродетели». Монархическому или деспотическому правительству не нужно много порядочности, чтобы удержаться, а в демократическом правительстве добродетель — это необходимость; если республика коррумпирована, то Государство потеряно. Греческие политики, которые жили при народном правлении, признавали в добродетели единственную форму, способную его удержать.

После этого вступления о демократической «добродетели», Монтескье анализирует воспитание в республиканском правлении, и определяет добродетель как «любовь законов», любовь, требующая «постоянную отдачу предпочтения общественным интересам интересов собственных» (Книга 4. Гл. 5). А что же такое «любовь к республике в демократии»? В третьей главе пятой книги Монтескье пишет: «В демократии, любовь к республике это не что иное как любовь к демократии; и это любовь к равенству, которая в свою очередь, также является любовью к умеренности. Поскольку в демократии должны существовать счастье и преимущества, одинаковые для всех, каждый должен вкушать одинаковые удовольствия и питать одинаковые надежды; все то, что может дать только общая умеренность. Любовь к равенству, при демократии, сводит амбицию к одному желанию, к единственному счастью предоставить родине услуги, большие чем услуги других граждан. Но поскольку все не могут оказать родине одинаковые услуги, они должны служить ей одинаковым образом». Любовь к умеренности ограничивает желание обладать тем, что является необходимым для семьи, также потому что богатство не может позволить гражданину быть равным другим: следовательно, хорошие демократии, учреждаясь на законах равенства и умеренности, «открыли двери государственным расходам, как произошло в Афинах и Риме» (Книга 5. Гл. 3. С. 116).

Республиканско-демократические правления существовали еще в античном мире, а возможно вообразить демократическую реальность также

в современном мире? Современные политики, говорит Монтескье, «проповедуют нам только о промышленных предприятиях, о торговле, о финансах, о богатстве, даже о роскоши»; в обществе такого типа, над добродетелью (которая является принципом республиканского правления) преобладают амбиции и алчность; распространяется желание обладать и государственная казна становится достоянием единичных граждан (Книга 3. Гл. 3. С. 86). Демократическая республика со своим антимеркантильным духом кажется «мертвым телом», не адекватным времени, характеризующимся лихорадочной производственной и торговой деятельностью. Демократическая республика, наконец, является характерной для маленьких Государств; «в маленькой республике имущество больше ценится, о нем больше известно, оно более дорого каждому гражданину; злоупотребления менее часты, и следовательно, их сложнее предотвратить»; в большой республике «сосредоточены большие богатства, и следовательно, малая умеренность духа; интересы становятся специфическими, и каждый человек стремится быть счастливым, великим, прославленным (Книга 8. Гл. 16. С. 225–229).

Несмотря на симпатию к монархическому модератизму, Монтескье считает возможной демократию, управляемую в республиканской форме; учений конституции любого правления не отступает от предположения демократического решения; так, Уильям Пенн в Пенсильвании создал народ, «при котором порядочность казалась такой же естественной, как и смелость у Спартанцев; республика, «состоящая из мудрых граждан, будет управляться по-мудрому; состоящая из счастливых граждан, будет также очень счастлива» (Книга 4. Гл. 3. С. 107 и 117). Хотя при демократии «реальное равенство это душа Государства», не нужно применять равенство с чрезвычайной строгостью; достаточно установить ценз, фиксирующий или сводящий различия до определенного уровня: после чего, задачей особых законов будет сравнивать неравенства, посредством налогов, наложенных на богатых и освобождений от них бедных; «любое неравенство в демократии должно быть извлечено из природы самой демократии и то же принципа равенства» (Книга 5. Гл. 5. С. 121). Демократия может также согласовываться с торговой деятельностью, если только торговый дух сохраняет за собой «дух умеренности, экономности, воздержанности, труда, мудрости, спокойствия, порядка и методичности». Возможно сохранить этот демократический дух с условием, что законы с их нормами, «разделяют состояния и богатства, по мере того, как торговля их накопила, и отдадут бедным достаток, позволяющий им работать также как и другие, а богатым — посредственную ситуацию, чтобы заставить их работать». Те же законы должны быть составлены так, чтобы и дети богатых отцов могли избежать роскоши и «работать как работали отцы». Демократическая республика может основываться на «любви к труду», но каждый гражданин имеет право на то, что для него необходимо (Книга 5. Гл. 6. С. 123).

Без сомнений, «если республика не большая, она может быть разрушена иностранной мощью; если большая, может погибнуть от внутренних пороков» (Книга 9. Гл. 1. С. 237); опасность, следовательно, внешняя и внутренняя. Демократическая республика должна избегать коррупции принципа демократии; «принцип демократии разрушается не только, когда теряется дух равенства, но также когда существует дух экстремального равенства, и каждый хочет быть равным тем, кого он выбрал, чтобы им руководили». Демократия становится возможной, если ей удастся избежать две крайности: «Дух неравенства, который ведет к аристократическому правлению, и дух экстремального равенства, который ее сводит к деспотизму одного лица» (Книга 8. Гл. 2. С. 209–211). Но как защититься от внешней опасности?

«Нужно полагать — пишет Монтескье — что люди были бы вынуждены, в конце концов, постоянно жить под управлением одного человека, если бы не изучили форму конституции, имеющую все внутренние преимущества республиканского режима и внешние преимущества монархического режима. Я имею в виду федеративную республику. Эта форма правления ведет происхождение от соглашения, на основании которого многочисленные политические корпусы позволяют стать частью большого Государства, которое они все вместе стремятся создать» (Книга 9. Гл. 1 С. 237). Это общество обществ должно соблюдать нормы любого свободного правления; защищать разделение власти; вверять законодательную власть представителям, избранным из народа. Федеративная республика допускает возможность демократии в современное время.

Демократическая республика, будучи федеративной, может продержаться в своем величии, не коррумпируясь изнутри, «если произвол происходит в одной части конфедерации, исправляется другой частью, оставшейся здоровой» (Книга 9. Гл. 1. С. 239); федеративная республика пользуется добротой внутреннего демократического правления и обладает преимуществами крупных монархий благодаря ассоциации. Но «дух монархии это война и желание роста; дух республики это мир и умеренность» (Книга 9. Гл. 2. С. 239). Федеративная демократическая республика отличается от ассоциативных лиг среди городов. Ассоциации среди городов, говорит Монтескье, были необходимы в другие времена, потому что завоеванный город терял не только исполнительную и законодательную власть, а также все индивидуальные свойства. В современной федерации, образованной республиканскими Государствами, возможно осуществление демократического общества с судьями, избранными согласно демографической пропорции голосов единичных Государств (Книга 9. Гл. 3. С. 241).

Будучи благоприятного мнения по отношению к конституционной монархии либерального типа, Монтескье в *Esprit de lois* рассматривает гипотезу республиканского режима демократического типа, основанного на добродетели, и регулируемого не экстремальным равенством; в этом режиме гра-

ждане должны уважать собственных представителей и собственных правителей; должны избегать беспорядочность и любить труд и порядок (Книга 8. Гл. 2). Поскольку политические отношения касаются гражданина и правительства, демократическая республика в политическом плане становится возможной правительственной альтернативой. С книгой *Esprit de lois* по-новому строятся дебаты между абсолютной и конституционной монархиями, и также открывается дорога прениям между монархической и республиканской системами. Монтескье противопоставляет демократическую республику *ancien régime* и облакает европейскую мысль в конституционный политический язык; его типология позволяет рассмотреть по-современному проблему форм правления.

В общей систематизации политики он выражает компаративные суждения, и формулирует оценки социального порядка, которые окажут влияние на поведение политических деятелей. Деспотические правления противопоставлены свободным правлениям, и тема свободного правления будет затронута политическими антиабсолютистами; монархические правления отличаются от республиканских правлений, и тема республики будет снова обсуждаться политическими антимонархическими деятелями; аристократические республиканские правления отделены от демократических республиканских, и тема демократического республиканского правления будет обсуждаться демократическими политиками. Само определение демократии, данное Монтескье, составляет обязательную точку отправления для органического изучения демократии в Европе.

В четвертом *Esprit de lois* томе *Encyclopédie* (Париж, 1754 г.) находится определение «*démocratie*»; оно взято из *Esprit des lois*: любая республика, в которой суверенитет находится в руках народа, является демократией, если суверенная власть сосредоточена лишь у части народа, это аристократия; демократия прокладывает гражданам дорогу почестей и славы; для сохранения демократии необходима добродетель, то есть любовь законов и родины, любовь равенства и умеренности. Принцип демократии коррумпируется, когда теряется дух равенства, но также когда превалирует экстремальное равенство. Любая демократия должна иметь писанные законы и стабильный устрой, даже если народ, являясь законодателем, может их менять. Тема демократии снова возобновляется со словом «*république*» в *Encyclopédie* (том 14): когда в республике народ имеет суверенную власть, существует демократия.

Глава вторая

Руссо: демократия и социальное положение

Шесть лет спустя после публикации *Esprit de lois*, Жан Жак Руссо весной 1754 года составляет *Речь о происхождении и основах неравенства*

и посвящает ее республике Женевы: он дает определение самому себе как «добродетельному гражданину», и обращает общее внимание к «*constitution d'un gouvernement*», которому благодаря своей мудрости удалось поддержать порядок и заверить граждан в общем счастье. Это «*gouvernement démocratique*» республики Женевы, «мудрое в сдержанности», поскольку у народа и суверена тот же интерес, соответствует характеристике республике демократического правления: и в самом деле, граждане Женевы всегда проявляли свою любовь к родине и веками защищали собственную свободу; эта республика не является низшей моделью римской либо афинской республик; каждый год избираются самые способные и самые честные граждане для справедливого управления Государством; конституция диктуется разумом, у страны один хозяин — ее законы, соблюдаемые всеми гражданами; граждане не настолько богаты, чтобы купаться в роскоши, но и не настолько бедны, чтобы прибегать к иностранной помощи; это цивилизованное общество, в котором применяются республиканские добродетели, где существует равенство между людьми и рабочими. Республика Женевы поэтому сравнима с демократическими правлениями античных республик.

Перед этой идиллической картиной маленького республиканского демократического общества, стоит драматическая реальность общего неравенства граждан: богатый и бедный, хозяин и раб, сильный и слабый; существует глубокая разница в образе жизни: вольяжны одни и порабощенные в работу другие; к тому же цивилизованный человек потерял чувство первобытного общества, связанного с естественным состоянием, по вине идеи собственности; цивилизованное общество зародилось фактически, когда человек сказал: «Это мое»; до этого люди жили свободно и счастливо; когда собственность была создана, закончилось равенство, труд стал необходимостью, и началось злоупотребление богатством; право первого завладевшего, основанного на силе, дало толчок конфликтам и войнам; в ситуации этого типа богатый сказал своим соседям, что нужно объединяться против злоумышленников и создавать верховную власть, способную править согласно мудрым положениям для поддержания согласия; богатые ловко создали закон собственности и неравенства, а политическое правление основывалось на праве собственности; во избежания беспорядка, судьям было поручено задание наблюдать за общими условностями общины; различные формы правления берут начало от различий более менее крупных, существующих между отдельными гражданами на момент зарождения институтов. Если следовать прогрессу неравенства в различных революциях, пишет Руссо в конце второй части *Речи*, можно обнаружить, что институт закона и права собственности был его первым моментом, институт магистратуры — вторым, и третьим и последним моментом было превращение законной власти во власть произвольную; таким образом, что положение богатых и бедных

было оправдано в первую эпоху, положение сильного и слабого во вторую, и хозяина и раба — в третью; так наступило максимальное неравенство; а экстремальное неравенство условий и состояний позволило заявить о деспотизме.

Нужно тогда отвергнуть цивилизацию и вернуться к первобытному состоянию? На вопрос, сформулированный с иронией Вольтером после прочтения *Речи*, Руссо ответил написанием «эссе», которое в окончательной редакции стало маленьким трактатом о «принципах государственного права», напечатанного в Амстердаме в 1762 году под названием *Социальный договор*.

В *Социальном договоре* Руссо не интересуется тема экономической политики, он хочет выяснить, в какой форме Государства реализуется демократия, отождествляемая с волей народа; именно суверенитет народа характеризует демократическое республиканское Государство. Если народ свободен, существует республика; если народ служит одному лицу, существует деспотизм: при деспотизме «нет ни государственного блага, ни политического корпуса» (Ж. Ж. Руссо, *Социальный договор*, в *Политических записках*, Бари 1971. Т. 2, Книга 1. Гл. 5. С. 91). Альтернатива состоит между объединением или подчинением, то есть между свободой народа или деспотизмом над народом. Народ является просто народом до вверения себя соврану; по социальному договору каждый член ссоциации отчуждает свои права в пользу всей общины; но с условием, что речь идет о равных; «акт объединения ведет, вместо частных лиц отдельных сторон, к созданию морального и коллективного корпуса»; это государственное лицо, состоящее из объединения всех частных лиц, несет название *Суверенное государство*, в то время как члены ассоциации имеют коллективное название *Народ*; поскольку члены ассоциации разделяют власть суверена, они называются гражданами, и являются подданными, но не потому что служат одному лицу, а «потому, что они подчинены законам Государства» (Книга 1. Гл. 6. С. 93).

Проблема Государства является основной в политической мысли Руссо; не следует забывать, что в первой версии *Социального договора*, с названием *Манускрипт Женевы*, написанным, вероятно, между 1756 и 1758 годами, было эссе об образовании Государства (*Essai sur la formation de l'Etat*). Руссо ставит акцент на сути Государства; вследствие социального договора, Государство является основой всех прав; «Государство в отношении своих членов является владельцем всех их благ» (Книга 1. Гл. 9. С. 98). С другой стороны, социальный договор, «не разрушает естественное равенство, а наоборот, сменяет моральное и законное равенство физическим неравенством, которое природа могла создать между людьми, обладающими способностью по природе оказаться не равными в силе или уме, становятся равными по соглашению и по праву» (Там же. С. 100). Для Руссо моральное равенство дается суверенностью Государства.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к четвертому изданию	5
<i>Введение. Два века европейской демократии</i>	9

Часть первая

ДЕМОКРАТИЯ КАК НАРОДНОЕ ПРАВЛЕНИЕ С ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫМИ ИНСТИТУТАМИ (1748–1848)

<i>Глава 1. Монтескье: демократия и республиканское правление</i>	22
<i>Глава 2. Руссо: демократия и социальное положение</i>	27
<i>Глава 3. Американская демократическая республика и ее политические основы</i>	33
<i>Глава 4. Французская демократическая революция и формы правления</i>	38
<i>Глава 5. Дебаты о демократии в трехлетний якобинский период Италии (1796–1799)</i>	44
<i>Глава 6. Антидемократическая полемика: легитимисты и конституционалисты</i>	49
<i>Глава 7. Американская представительная демократия</i>	56
<i>Глава 8. Демократический эгалитаризм: Буонарроти</i>	59
<i>Глава 9. Демократическая нация: Мадзини</i>	62
<i>Глава 10. Демократическая свобода: Токвилль</i>	66
<i>Глава 11. Демократические союзы и чартизм</i>	70
<i>Глава 12. Народное демократическое правление</i>	75

Часть вторая

ДЕМОКРАТИЯ И НАРОДНЫЕ АССОЦИАТИВНЫЕ ДВИЖЕНИЯ (1848–1871)

<i>Глава 13. Европейские революции 1848 года</i>	84
<i>Глава 14. Проблема ассоциаций во Франции</i>	89
<i>Глава 15. Итальянское движение взаимопомощи</i>	95
<i>Глава 16. Ассоцианизм и Государство в Германии</i>	101
<i>Глава 17. Английский юнионизм</i>	106
<i>Глава 18. Пролетарская демократия международной ассоциации рабочих</i>	110
<i>Глава 19. Демократическая коммуна</i>	113
<i>Глава 20. Коммунальная демократия и представительная демократия</i>	116

Часть третья

ДЕМОКРАТИЯ КАК ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО РАВНОПРАВНЫХ ГРАЖДАН (1871–1915)

<i>Глава 21. Передовое современное общество</i>	<i>122</i>
<i>Глава 22. План либерального демократического правления в национальном государстве</i>	<i>128</i>
<i>Глава 23. План социал-демократического правления в народном государстве</i>	<i>138</i>
<i>Глава 24. Оппозиция умеренных народному демократическому правительству</i>	<i>143</i>
<i>Глава 25. Марксистская оппозиция буржуазному демократическому правлению</i>	<i>149</i>
<i>Глава 26. Политическая демократия и представительная практика</i>	<i>153</i>
<i>Глава 27. Социальный реформизм и рабочее движение</i>	<i>161</i>
<i>Глава 28. Антипарламентская полемика со стороны правых</i>	<i>169</i>
<i>Глава 29. Оппозиция левых буржуазной демократии</i>	<i>174</i>
<i>Глава 30. Критика в адрес демократической партии</i>	<i>178</i>

Часть четвертая

ДЕМОКРАТИЯ НА ЗАЩИТЕ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ ПРАВ (1917–1995)

<i>Глава 31. Война и государственный дирижизм</i>	<i>184</i>
<i>Глава 32. Полемика против парламентской демократии: от Ленина до Парето</i>	<i>189</i>
<i>Глава 33. Крах итальянской либерал-демократии и приход фашизма</i>	<i>200</i>
<i>Глава 34. Демократия и антифашизм</i>	<i>206</i>
<i>Глава 35. Крах немецкой социал-демократии</i>	<i>214</i>
<i>Глава 36. Кризис западной демократии и профашизм</i>	<i>220</i>
<i>Глава 37. Вера в парламентскую демократию</i>	<i>225</i>
<i>Глава 38. Советская структурная демократия</i>	<i>237</i>
<i>Глава 39. Американская институциональная демократия</i>	<i>244</i>
<i>Глава 40. Возрождение демократии в Европе (1945–1989)</i>	<i>253</i>
<i>Глава 41. Будущее демократии: Боббио</i>	<i>263</i>